

Elitological Culture Issues in the Work of Georgy Petrovich Fedotov

Anna P. Romanova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

E-mail: [aromanova_mail\[at\]mail.ru](mailto:aromanova_mail@mail.ru)

Abstract

There are many great names in the history of philosophy that are closely associated with the theme of the elitological culture (Plato, F. Nietzsche, N.A. Berdyaev et al.). These include works of the outstanding Russian philosopher and publicist G.P. Fedotov, who left behind a rich creative heritage. Unfortunately, the modern study of elites devotes little attention to this author and the topic he raised. Therefore, partly compensating for this disadvantage, in this study, we intend to outline those key points of his work that are of high interest for elitological research. First of all, we are talking about such problems as the meaning of Russian history, the bases of patriotism, the canons of the elitological culture, the issue of holiness. Critical assessments of the political reality of the historical era of G.P. Fedotov turn out to be very topical for today. Nowadays, many of the author's conclusions sound new and relevant. They should be listened to all the more, because they come from a person who deeply knows the problem of the spiritual life of his motherland in the context of world history.

Keywords

Elitological culture; values; holiness; patriotism; fate of Russia; hagiography; love; freedom.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Проблема элитологии культуры в творчестве Георгия Петровича Федотова

Романова Анна Петровна

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: [aromanova_mail\[at\]mail.ru](mailto:aromanova_mail@mail.ru)

Аннотация

В истории мировой философии есть немало великих имен, которые прочно ассоциируются с темой элитологии культуры (Платон, Ф. Ницше, Н.А. Бердяев и др.). К их числу относится и творчество выдающегося русского философа и публициста Г.П. Федотова, оставившего после себя богатое творческое наследие. К сожалению, в рамках современной элитологической науки этому автору и поднятой им теме уделяется мало внимания. Поэтому отчасти компенсируя этот недостаток, в настоящем исследовании мы намерены наметить те узловые пункты его творчества, которые имеют повышенный для элитологических исследований интерес. Речь, прежде всего, идет о таких проблемах, как смысл русской истории, основы патриотизма, каноны элитологии культуры, проблема святости. Критические оценки политической действительности исторической эпохи Г.П. Федотова оказываются весьма актуальными и для сегодняшнего дня. И в наше время многие сделанные им тогда выводы, звучат свежо и актуально. И к ним тем более следует прислушаться, что они идут от человека, глубоко знающего проблему духовной жизни своего Отечества в контексте всемирной истории.

Ключевые слова

Элитология культуры; ценности; святость; патриотизм; Судьба России; агиография; любовь; свобода.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В философском наследии известного русского историка, философа, публициста и религиозного мыслителя Георгия Петровича Федотова (1886 – 1951) обнаруживается целый пласт элитологического материала, который нуждается в системном анализе и адаптации к канонам и нормами современной элитологической науки. Оставляя в стороне биографические данные его жизни, мы сосредоточим свое внимание исключительно на его творчестве, особенно на тех работах, где речь касается элиты и элитности.

В советский период его работы не были признаны, поскольку его взгляды расходились с политическими взглядами тогдашней коммунистической власти. Интерес к нему проснулся уже в постсоветский период, когда до научной общественности дошли его работы, ставшие самым настоящим бестселлером 1990-х гг. В его творческом наследии совмещаются и работы по истории философии, и современной ему политики, и по вопросам религиозного мышления. Именно анализу этого творческого наследия Георгия Петровича и будет посвящена настоящая статья.

Имеющиеся на сегодняшний день исследования творчества Г.П. Федорова явно недостаточны, для полноценной оценки его философского и публицистического наследия (Сербиненко, 1991; Зайцева, 2001; Иванова, 2001; Волкова, 2004; Киселев, 2004 и др.). Поэтому любая работа по данной теме всегда будет выявлять новые страницы его творчества, и расставлять новые акценты в его оценках. В своем исследовании мы намерены именно с элитологических позиций осветить и оценить деятельность этого самобытного автора, который должен занять достойное место в числе российских классиков элитологической мысли XX столетия.

Судьба России и всемирная история

В работе «Россия, Европа и мы» философ признавал и настаивал на единой христианской природе европейской цивилизации. При этом он особенно подчеркивал, что ее важнейшей составной частью является именно российская ветвь: «надо приучиться видеть Россию в русском свете, а Европу в европейском, не путая безнадежно нашего двойного опыта» (Федотов, 1991, стр.276–303). Только при таком объективном взгляде на всемирную историю мы получаем адекватные ее оценки и выводы.

Прологом русской истории является киевский период, в котором тесным образом переплетаются варяжские и византийские элементы. Все принимавшие участие в создании древнерусского государства этносы активно и успешно обрусели (Федотов, 1927, стр.152). Они слились воедино, составив ядро будущей Российской империи. Пышность «Цареградского двора» вплоть до петровской эпохи формировали в русском народе представления о высшей власти и ее историческом предназначении. «Великолепный Киев XI–XII веков,

восхищавший иноземцев своим блеском и нас изумляющий останками былой красоты, — Киев создавался на византийской почве. Это, в конце концов, греческая окраина» (Федотов, 1927, стр.153).

Георгий Петрович выступает в роли одного из самых жестких обличителей роли царя Петра I. У него он представлен как великий разрушитель, а не созидатель. «Сейчас мы с ужасом и отвращением думаем о том сплошном кощунстве и надругательстве, каким преломилась в жизни Петровская реформа. Церковь ограблена, поругана, лишена своего главы и независимости». Епископские кафедры раздаются протестантствующим царедворцам, веселым эпикурейцам и блюдолизам. К надругательству над церковью и бытом прибавьте надругательство над русским языком, который на полстолетия превращается в безобразный жаргон. Опозорена святая Москва, ее церкви и дворцы могут разрушаться, пока чухонская деревушка обстраивается немецкими палатами и церквями никому неизвестных, календарных угодников, политическими аллегориями новой Империи. Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бледнеет перед делом Петра. «Далеко щенкам до льва». (Федотов, 1927, стр.160-161). В общем и целом он здесь выступает с позиции защиты Московской Руси от Имперской России. И именно заложенный в этой империи при ее основании грех в конечном счете и погубил ее, с его точки зрения.

Крушение самой российской империи стало следствием разрыва связей между русской властью и русским народом. В годы Первой мировой войны русский солдат утратил желание защищать самодержавие и свою страну. И виновницей в этом была сама царская власть: «За гнилой властью, за бедной техникой мы увидели народ, который отказался защищать родину» («Защита России») (Федотов, 1992, стр.122-125). Из русского богобоязненного народа произошло «выветривание патриотизма», который выродился и переродился в уже «советский патриотизм». Общий вывод – царской власти не хватило креативного начала для того, чтобы справиться с чудовищным вызовом своей исторической эпохи. Поэтому эта элита была вынуждена уйти со страниц мировой истории.

В не меньшей мере его волновало и современное ему политическое бытие России. Годы расцвета его творчества приходятся на великую русскую революцию и сталинизм. В статье «Сталинокрапия» Г.П. Федотов особенно подчеркивал «предельно низкий культурный уровень» самого главного человека СССР – И.В. Сталина, который подстраивал под себя всю политическую и культурную систему страны Советов (Федотов, 1991, стр.83-97). Он задавался естественным вопросом: «... как воссоздать в России тот разрушенный революцией культурный слой, который был способен поднять качество культурной работы и передвинуть центр интересов с вопросов техники к вопросам духа?» («Завтрашний день (Письма о русской культуре)») (Федотов, 1992, стр.188-205). Но самое главное, по мнению Георгия Петровича, было то, что в советском

обществе подавлены все базовые нормы гуманизма – свободы и духовной жизни (Федотов, 1992, стр.98-102). Именно это вызывало у него наибольшее возражение и возмущение.

Саму Советскую власть он оценивает как вершину политического аморализма. Именно в эпоху сталинизма в СССР ложь перестала восприниматься и оцениваться как нечто непозволительное (хотя, ради справедливости, стоит сказать, что и при царизме ее тоже хватало, особенно в высших эшелонах власти!). Но при сталинизме ложь становится нормой политического бытия правящей элиты. Она превращается в некую «всеобщую повинность», которая до основ развращает не только власть, но и весь народ («Тяжба о России») (Федотов, 1992, стр.103-121). В силу этого власть в СССР на деле не может отождествляться с народом, хотя на словах она постоянно с ним. Но это тождество формально, а потому саморазрушительно. И это рассогласование является самым трагическим в новейшей российской истории. Преодоление этой катастрофы будет возможным при возвращении России к своим дореволюционным культурным ценностям. И, по его мнению, это возвращение рано или поздно, но состоится.

Неожиданно в его творчестве всплывает тема мещанства. Если в традиции русской классической литературы было критиковать мещанство и мещанский образ жизни, то у Г.П. Федотова мы находим некоторое его оправдание. «Социалистическому обществу не удалось избежать своего мещанства. Оно выполняет даже положительную морально-санитарную роль ...» (Федотов, 1992, стр.98-102). Одна форма «социалистического мещанства» проявлялась в частичной реставрации дореволюционного быта. В психологическом состоянии этого типа обнаруживается аполитичность, что уже рассматривается им как внутреннее сопротивление советской власти. Натяжка слабая, но в те годы русской эмиграции приходилось хвататься за любую соломинку.

Во время Г.П. Федотова весь мир ополчился против Советской России. Ей угрожали по самому факту ее существования. Но именно это враждебное окружение формирует стойкий политический характер России, ее несгибаемую волю. Будучи в эмиграции Георгий Петрович все равно оставался русским патриотом и верил в будущее своей покинутой Отчизны.

Проблема русского патриотизма

Философ не мог пройти мимо такой важной для себя темы, как патриотизм. Эта тема напрямую связана с проблемой ценностей, которые составляют системную основу любой нации. Именно в патриотизме мы обнаруживаем следы исторического творчества народа, которые выражаются в исторической мифологии его жизни, как важнейшего компонента национального сознания («Судьба империй») (Федотов, 1992, стр.304-326). В Советской России зародился патриотизм иного рода, вызванный необходимостью сталинской мобилизации сопротивления к внешнему врагу («Культурные сдвиги») (Федотов, 1992, стр.98-

102). И действительно необходимость защиты своего Отечества привела советского человека к обретению подлинной ценности - любви к России. Эта любовь особенно ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны: «... война разбудила ключи дремавшей нежности - к поруганной родине, к женщине, жене и матери солдата» («Россия и свобода») (Федотов, 1992, стр. 276-303). Именно в этой любви он видел возрождение национального сознания России. Советской России как раз и не хватало такой национальной и религиозной самоидентификации. И этот «новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России» («Защита России») (Федотов, 1992, стр. 122-125).

Георгий Петрович отмечал, что в имперской России представления о свободе личности не получили должного распространения. Для большей части населения свобода не стала элементом ее системы ценностей. Поэтому именно свобода стала первой жертвой в годы революционного эксперимента. «Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству» («Россия и свобода») (Федотов, 1992, стр. 276-303). Но и сама революция никогда не декларировала свободу в качестве своих главных ценностей и не выносила её в качестве самостоятельной величины. «Свобода никогда не была основной темой русской революции», - подчёркивал учёный («Завтрашний день (Письма о русской культуре)») (Федотов, 1992, стр. 188-205). Причем такая формальная свобода не имеет «никакого отношения к свободе мысли, слова, культуры» («Завтрашний день (Письма о русской культуре)») (Федотов, 1992, стр. 188-205).

Г.П. Федотов был подлинный русским европейцем. В этой связи он утверждал, что любой разрыв связей России и Европы будет губительным для них обоих. Философ настаивал: «... как европейская федерация немыслима без России, так и культурная жизнь России немыслима без Европы» («Федерация и Россия») (Федотов, 1992, стр. 228-232). В единстве России и Европы он усматривал мир и порядок, которые способны предотвратить новую мировую войну. Вторая мировая война им мыслилась как второй акт Первой мировой. Поэтому, только сохраняя единство России и Европы, мир может обезопасить себя от Третьей мировой войны. Звучит весьма актуально и в наше время.

Проблема элитности в культуре

Тема культурной элитности весьма часто встречается в работах Георгия Петровича. Она его интересовала, и он постоянно возвращается к ней в целом ряде своих работ. Иногда эта тема идет попутно с другими, но есть и специальные работы, в которых она является главной темой.

Заглядывая вглубь российской истории, Г.П. Федотов замечает, что уже в киевский период отечественная культура носила аристократический характер: «Киевская культура аристократична. Она не питается народным творчеством. Она излучается в массы из княжеских теремов и монастырей, и хотя рост ее в

народной среде протекает страшно медленно, но органично и непрерывно. Конечно, это только прививка на грубом славянском дичке, но он весь перерождается под действием прививки. И эта органичность вполне понятна. Новое не ложится поверхностным слоем, «культурным лоском», поверх старого быта. Оно завоевывает, прежде всего, сердцевину народной жизни — его веру. Здесь нет сомнений и разлада. Суеверия, обвивающие веру, не разлагают ее. И вера освящает всю культуру, всю книжную мудрость, которая идет за ней» (Федотов, 1927, стр.153). Именно через культурные ценности спланивалась Русь и как государство, и как общество, и как церковь. Причем ни государство, ни церковь никогда не отрывались от своего народа, составляя с ним единое целое.

Вместе с тем, Георгий Петрович отмечает, что в развитии Руси большое значение имело именно творческое начало. В этой связи он отмечает, что «Москва для нас имя, покрывшее всю северную Русь. «В нее, как в озеро, во внутреннее море (вроде Каспия) вливались все ручьи, пробившиеся в северных мшистых лесах». Теперь мы знаем, что главное творческое дело было совершено Новгородом. Здесь, на севере, Русь перестает быть робкой ученицей Византии, и, не прерывая религиозно-культурной связи с ней, творит свое — уже не греческое, а славянское, или, вернее, именно русское — дело. Только здесь Русь откликнулась христианству своим особым голосом, который отныне неизгладим в хоре народов-ангелов. «Мы знаем с недавних пор, где нужно слушать этот голос. В церковном зодчестве, деревянном и каменном, в ослепительной новгородской иконе, в особом тоне святости северных подвижников. Без ложной гордости мы говорим теперь о гениальности древнего русского искусства и, не колеблясь, отдаем ему предпочтение перед искусством западного средневековья и Возрождения». Не столь явен для всех голос святости. И это отчасти потому, что расслышать его отчетливо удастся лишь в XIX веке» (Федотов, 1927, стр.154-155).

Давая анализ состояния духовной культуры в современной ему Советской России, философ как раз и затронул тему соотношения массового и элитарного. В частности, Георгий Петрович констатировал неуклонный рост в Советской России динамики интереса к культурным ценностям прошлого. Этот рост сопровождался весьма успешной политикой широкого народного просвещения, меняющего к лучшему глубинные устои массового сознания русского народа. Но если до революции русская культура носила преимущественно элитарный (дворянский) характер, то после наметилась тенденция к преодолению этого элитарного отрыва («Завтрашний день (Письма о русской культуре)») (Федотов, 1992, стр.188-205). В Советской России начался процесс демократизации, которая осуществляется весьма высокими темпами. Все это указывает на стремительное приближение России к европейским стандартам образованности населения. В этом он видел основу социокультурной модернизации общества. И только в этом он усматривал главное достижение русской («пролетарской») революции (Федотов, 1992, стр.233-252).

С темой элитологии культуры тесно связана и тема судьбы русской интеллигенции. Уже в самом этом термине («интеллигенция») философ усматривает некую зашифрованную элитарность. «Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности, – свое призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства, тоже не сводимого к классовой, феодально-военной группе, хотя и связанного с ней, как интеллигенция связана с классом работников умственного труда. Что же, быть может, интеллигенция – избранный цвет этих работников, людей мысли по преимуществу? И история русской интеллигенции есть история русской мысли, без различия направлений?» (Федотов, 1927, стр.148).

Такими людьми движут идеалы. Они имеют четкую систему ценностей, которые и управляют их жизнью. Георгий Петрович прямо об этом пишет: «У всех этих людей есть идеал, которому они служат и которому стремятся подчинить всю жизнь: идеал достаточно широкий, включающий и личную этику, и общественное поведение; идеал, практически заменяющий религию (у Чаадаева и некоторых других, впрочем, связанный с положительной оценкой религией), но по происхождению отличный от нее. Идеал коренится в «идее», в теоретическом мировоззрении, построенном рассудочно и властно прилагавшем к жизни, как ее норма и канон. Эта «идея» не вырастает из самой жизни, из ее иррациональных глубин, как высшее ее рациональное выражение. Она как бы спускается с неба, рождаясь из головы Зевса, во всеоружии, с копьем, направленным против чудовищ, порождаемых матерью-землей. Афина против Геи – в этом мифе (отрывок гигантомахии) смысл русской трагедии, т.е. трагедии русской интеллигенции» (Федотов, 1927, стр.148-149). Именно высокая идейность и преданность своим идеалам и ценностям отличают в заметную сторону русскую интеллигенцию, создавая вокруг нее ореол некоего «избранного» ордена.

Именно «система истин» ведет русскую интеллигенцию по жизненным дорогам и тропам. Причем здесь Г.П. Федотову приходится сравнивать интеллигенцию и святость: «Если идейность замещает религию, то она берет от нее лишь догмат и святость: догмат, понимаемый рационалистически, святость – этически, с изгнанием всех иррациональных, мистических или жизненных основ религии. Догмат определяет характер поведения (святость), но сама святость сообщает системе «истин» характер догмата, освящая ее, придавая ей неприкосновенность и неподвижность. Такая система обыкновенно неспособна развиваться. Она гибнет насильственно, вытесняемая новой системой догм, и этой гибели идей обыкновенно соответствует не метафорическая, а буквальная гибель целого поколения. Святые неизбежно становятся мучениками» (Федотов, 1927, стр.150). Сам Георгий Петрович весьма критически относился к русской интеллигенции, полагая, что в ней таится больше демо-

нического, чем святого.¹ Таких он называет «отщепенцами» (русской щепой): «Не привлекательны первые «интеллигенты», первые идейные отщепенцы русской земли. Что характеризует их всех, так это поверхностность и нестойкость, подчас моральная дряблость. Чужая культура, неизбежно воспринимаемая внешне и отрицательно, разлагала личность, да и оказывалась всего соблазнительнее для людей слабых, хотя и одаренных, на их несчастье, острым умом» (Федотов, 1927, стр.159).

Для элитологии творчества одной из важнейших тем является тема анализа природы религиозной святости. Г.П. Федотов является одним из классиков исследования этой проблемы. Его работа не утратила своей актуальности и по сей день. И сегодня мы обращаемся к нему, как к признанному, глубокому специалисту в сфере агиографии и истории православия.

Особенности русского религиозного сознания

Святость является важнейшей религиозной ценностью. И на Руси эта ценность всегда была на первом месте. Ее всегда оценивали как важнейший элемент русского национального самосознания, как важнейший элемент идентичности Руси/России. Центральным же компонентом русского религиозного сознания является признание страдания как «высшего нравственного критерия, как почти абсолютной нравственной вершины» («Русская религиозность») (Федотов, 2001). Именно нравственное начало заметно выделяет национальное самосознания России, делает её более устойчивой к внешним вызовам и внутренним угрозам.

Русская святость трудно выразима, поскольку она идет из корней самой жизни. «Но самая постановка этого вопроса возможна лишь благодаря страшной немоте древней Руси. Она так скупа на слова и так косноязычна. Даже образы своих святых она не умеет выразить в их неповторимом своеобразии, в подлинном, русском их лике, и заглушает дивный колос плевелами переводного византийского красноречия, пустого и многословного. Не в житиях находим ключ к ним, а в живой, современной, часто народной (даже апокрифической) традиции» (Федотов, 1927, стр.156).

1 Свою критику он выразил в следующем своем пассаже: «Интеллигенция? Знаете ли, кто первые русские интеллигенты? При царе Борисе были отправлены за границу — в Германию, во Францию, в Англию — 18 молодых людей. Ни один из них не вернулся. Кто сбежал неведомо куда, — спился, должно быть, — кто вошел в чужую жизнь. Нам известна карьера одного из них — Никанора Олферьева Григорьева, который в Англии стал священником реформированной церкви и даже пострадал в 1643 году от пуритан за свою стойкость в новой вере. Не будем торопиться осуждать их. Несомненно, возвращение в Москву означало для них мученичество. Подышав воздухом духовной свободы, трудно добровольно возвращаться в тюрьму, хотя бы родную, теплую тюрьму. Но нас все же поражает эта легкость национального обезличения: раствориться в чужеземной стихии, без борьбы, без вскрика, молча утонуть, словно с камнем на шее! Этот факт сам по себе обличает породившую его культуру и грозно предупреждает о будущем» (Федотов, 1927, стр.158-159). Это предупреждение остается актуальным и в наши дни. И сегодня многие представители т.н. «интеллигенции» предпочитают «предавать» Россию, слепо поклоняясь Западу. И само это предательство, видимо, заложено в самой их природе...

Тема агиографии красной нитью проходит через все творчество Георгия Петровича. Свой фундаментальный труд по истории русской святости «Святые Древней Руси» (1931), он начинает со следующего признания: «Изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения. В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. Верим, что каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями. Здесь путь для всех, отмеченный вехами героического подвижничества немногих. Их идеал веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа, в последнем счете, определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризированной русской культуры» (Федотов, 1990, стр.27). Г.П. Федотов очень тонко чувствует особенности русской агиографии. Им постоянно подчеркивается ее связь с жизнью конкретного святого. И всякий шаг в сторону от этой красной линии означает ослабление адекватного понимания сущности ее природы.

В отличие от западной традиции, русская агиография имеет целый ряд своих особенностей. «В православии преобладает традиционное, общее. Но это общее дано не в безликих схемах, а в живых личностях. Мы имеем свидетельства о том, что иконописные лики многих русских святых в основе своей портретны, хотя и не в смысле реалистического портрета. Личное в житии, как и на иконе, дано в тонких чертах, в оттенках: это искусство нюансов. Вот почему от исследователя требуется здесь гораздо больше острого внимания, критической осторожности, тонкой, ювелирной акрибии, чем для исследователя католической святости. Тогда лишь за типом, «трафаретом», «штампом» встанет неповторяемый облик» (Федотов, 1990, стр.28).

Русское понимание святости базируется на любви и свободе духа. Русская агиография есть важнейший источник духовной жизни. И этот духовный опыт не всегда находит выражение в виде агиографических памятников. В этой связи Г.П. Федотов был вынужден констатировать, что «безмолвная «святая Русь», в своей оторванности от источников словесной культуры древности, не сумела поведать нам о самом главном, о своем религиозном опыте» (Федотов, 1990, стр.33).

Важным элементом в утверждении святости является акт канонизации, т.е. официального признания церковью святости. «Канонизация есть установление Церковью почитания святого. Акт канонизации – иногда торжественный, иногда безмолвный – не означает определения небесной славы подвижника, но обращается к земной церкви, призывая к почитанию святого в формах общественного богослужения. Церковь знает о существовании неведомых святых, слава которых не открыта на земле. Церковь никогда не запрещала

частной молитвы, т.е. обращения с просьбой о молитве к усопшим праведникам, ею не прославленным. В этой молитве живых за усопших и молитве усопшим, предполагающей ответную молитву усопших за живых, выражается единение Церкви небесной и земной, то «общение святых», о котором говорит «апостольский» символ веры. Канонизованные святые представляют лишь четко, литургически очерченный круг в центре Небесной Церкви» (Федотов, 1990, стр.33).

Для русской агиографии, по мнению Г.П. Федотова, характерна строгость и трезвость в оценках описываемой ею святости. «Русские жития святых отличаются большою трезвостью. Когда у агиографа не хватало точных преданий о жизни святого, он, не давая воли своему воображению, обыкновенно развивал скудные воспоминания «риторическим плетением словес» или вставлял их в самую общую, типическую рамку соответствующего агиологического чина. Сдержанность русской агиографии особенно бросается в глаза в сравнении с средневековыми житиями латинского Запада. Даже необходимые в житии святого чудеса даны очень скупо как раз для самых чтимых русских святых» (Федотов, 1990, стр.223). Адекватность – вот что характеризует русскую агиографию. В ней нет места для авторской фантазии или народного фольклора, которые часто приписывают святым то, чего с ними никогда не было и тем самым искажают историческую картину их жизни. Ценность (элитность) агиографии в заключающейся в ней правде. И хотя порой фольклор и проникает в текст агиографической литературы, эти народные фантазии идут от большой любви и не таят в себе никакого злого умысла. Житие может содержать некие легендарные фрагменты, но в целом они не влияют на достоверность описываемой в них святости (Федотов, 1990, стр.231).

В особенностях русской святости Г.П. Федотов отмечает: «Первое и последнее впечатление, которое остается при изучении этой святости – ее светлая мерность, отсутствие радикализма, крайних и резких отклонений от завещанного древностью христианского идеала. В монашестве почти не видим жестокой аскезы, практики самоистязаний. Господствующая аскеза русских святых – пост и труд. Оттого постничество и трудничество, наряду с подвижничеством, суть русские переводы не привившегося у нас слова «аскеза»». (Федотов, 1990, стр.235). Именно эта связь с идеалами раннего христианства заметно отличает русскую святость от ее католических аналогов. «В своей трудовой аскезе русский святой не отвергает и книжного труда: нередко своей рукой переписывает необходимые для церкви списки богослужебных и учительных книг. Уважение к духовному просвещению было велико – и у святого и у его биографов. Но лишь немногие достигали учености – как Авраамий Смоленский, Стефан Пермский, Дионисий Троицкий: еще реже видим настоящих духовных писателей среди русских святых: в сущности мы могли бы назвать всего два имени: Иосифа и Нила...» (Федотов, 1990, стр.236).

Георгий Петрович ограничивает свое исследование древнерусской святости началом синодального периода в русской православной церкви.

Синодальная эпоха несла иные каноны понимания святости, которые не всегда встраивались в древнерусскую церковную традицию. «Для последних столетий русской церкви можно изучать историю духовной жизни, историю праведности, – но пока еще не историю святости» (Федотов, 1990, стр.234). Таков был неутешительный его диагноз последних веков русской святости. Но последнее ничуть не умаляет его достоинства. Напротив, оно подчеркивает всю сложность и многогранность этого описанного и проанализированного им явления.

Философ указывает на многообразие религиозного опыта, приводящего к состоянию святости. «Возрождение духовной жизни в России принесло не только оживление старого опыта, но и совершенно новые на Руси формы святости. Такими следует признать старчество, как особый институт преемственности духовных даров и служения миру; духовную жизнь в миру, в смысле монашеского делания, соединяемого с мирянским бытом и, наконец, священническую святость, питаемую мистическим опытом Евхаристии и духовничества» (Федотов, 1990, стр.239-240). Еще больше святых России претерпели гонения в годы революции и советской власти. «Революция, сжигающая в огне грехи России, вызвала небывалое цветение святости: святость мучеников, исповедников, духовных подвижников вмиру» (Федотов, 1990, стр.240). Жестокие расправы воинствующего атеизма над верующими дали Русской Православной Церкви новое великое поколение святых, претерпевших за свою веру. И это еще одна страница в Отечественной истории святости, которую уже предстоит написать новым поколениям российских исследователей элитологии культуры.

Заключение

Для современной элитологии творчества, поднятые Г.П. Федотовым темы и проблемы представляют особую научную ценность. Мы видим самобытную и весьма объективную оценку рассматриваемых им вопросов. Оценку, которая в общем и в целом не вызывает у нас серьезных критических возражений. В работах Г.П. Федотова мы не найдем идеологических утверждений, которые бы не были подкреплены серьезными доводами. Он вообще не терпит голословных утверждений. Все, что им утверждается, имеет весьма серьезное осмысление и глубокий анализ. Он всегда действует с опорой на историю и философию. И это единство приносит весьма ощутимые результаты в деле анализа культурных ценностей и человеческого капитала.

Многие его выводы звучат в наше время как пророчества. Они сохраняют свою актуальность и приходится просто удивляться, как ему удалось прийти к прозрениям подобного рода, во времена, когда эти тенденции будущего были еще не видны и не поняты. В этом, по всей видимости, и заключается природа гениального человека, который способен заглядывать за горизонт событий и понимать еще несостоявшееся будущее. Именно у таких людей мы и должны учиться...елом

Список литературы

- Волкова Е.А. (2004). Исторические взгляды и политическая деятельность Г.П. Федотова в «парижский период» (1925 –1940 гг).
- Зайцева, Н. В. (2001). Логика любви: Россия в историософской концепции Г. Федотова. Самарский ун-т.
- Иванова Т.В. (2001). Проблема свободы в историософских воззрениях Г. П. Федотова.
- Киселёв А.Ф. (2004). Страна грёз Георгия Федотова. Размышления о России и революции. Логос.
- Сербиненко В.В. (1991). Оправдание культуры: Творческий выбор Г. Федотова. Вопросы философии, 8, 41–53.
- Федотов Г.П. (1927). Трагедия интеллигенции. Версты, 2, 145–184.
- Федотов Г.П. (1990). Святые Древней Руси. «Московский Рабочий».
- Федотов Г.П. (1991). Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т (В. Ф. Бойкова., Ред.; Т. 1). София.
- Федотов Г.П. (1992). Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т: Т. 2 (В. Ф. Бойкова, Ред.). София.
- Федотов Г.П. (1994). О святости, интеллигенции и большевизме: Избр. Ст (с. 151). Изд-во С.-Петербур. ун-та.
- Федотов Г.П. (2001). Русская религиозность Ч. 1. Христианство Киевской Руси: Т. 10 (с. 382). SAM and SAM.

References

- Fedotov G.P. (1927). Tragedy of the intelligentsia. Versts. 1927 (2, p. 145–184). (In Russian)
- Fedotov G.P. (1990). Saints of Ancient Russia, M.: «Moscow Worker» (p. 269). (In Russian)
- Fedotov G.P. (1991). Fate and sins of Russia: Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 volumes: T. 1 (V. F. Boikov, Ed.; p. 350, 2). Sofia. (In Russian)
- Fedotov G.P. (1992). Fate and sins of Russia: Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 volumes: T. 2 (V. F. Boikov, Ed.; p. 348, 4). Sofia. (In Russian)
- Fedotov G.P. (1994). About holiness, intelligentsia and Bolshevism: Fav. Art (p. 151). Publishing House of St. Petersburg. un-ta. (In Russian)
- Fedotov G.P. (2001). Russian religiosity Part 1. Christianity of Kievan Rus. Collected works in 12 volumes: T. 10 (p. 382). SAM and SAM. (In Russian)
- Ivanova T.V. (2001). The problem of freedom in the historiosophical views of GP Fedotov. (In Russian)
- Kiselev A.F. (2004). Land of Dreams by Georgy Fedotov (Reflections on Russia and the Revolution (p. 324). Logos. (In Russian)
- Serbinnenko V.V. (1991). Justification of culture: G. Fedotov's creative choice Questions of Philosophy (Выпуск 8, p. 41–53). (In Russian)
- Volkova, E. A. (2004). Historical views and political activities of G.P. Fedotov in the Paris period. (In Russian)
- Zaitseva N.V. (2001). Logic of love: Russia in the historiosophical concept of G. Fedotov (p. 243). Samara University. (In Russian)